

Руанда — 59 и Занзибар — 64: две революции эпохи деколонизации в Восточной Африке

В этом году Африка отмечает две важные круглые даты: двадцать лет геноцида тутси в Руанде и пятьдесят лет Занзибарской революции и последующего образования Объединенной Республики Танзания. Этот удобный повод вновь обратиться к истории двух стран представляет нам прекрасную возможность для сравнения политических процессов которыми сопровождался процесс деколонизации и становления молодых государств на месте прежних колоний в Восточной Африке.

Исторические предпосылки геноцида в Руанде были заложены еще в колониальную эпоху, а одним из ключевых и судьбоносных для страны событий на пути к трагедии 1994 года явилась « Социальная революция 1959 года ». Будучи овеянной романтическим ореолом и возведенной в качестве основания национального мифа Первой (1960—1973 гг.) и Второй (1973—1994 гг.) республик, в официальной историографии « Новой Руанды » (с 1994 г.) она подается как первый акт геноцида тутси и наполняется скорее негативными коннотациями.

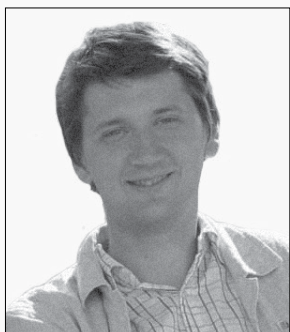
Занзибарская революция 1964 года также сопровождалась актами массового насилия развязанного против арабского населения архипелага и этническими чистками в ходе которых около трети арабской общины было убито либо изгнано с островов. Точно также как и революция в Руанде, Занзибарская революция была использована и используется действующими властями до сих пор в качестве точки отсчета современной истории нации и основания легитимности нынешнего политического проекта.

При сравнении руандийской и занзибарской революций удастся обнаружить ряд общих черт, позволяющих сделать вывод о том, что даже при некоторых существенных различиях, мы имеем дело с феноменами общего порядка. Во-первых, бросается в глаза, что они были осуществлены именно в тех странах, где еще в доколониальную эпоху сложилась развитая государственность и существовала сильная власть в форме монархии. Колониализм, подточив суть и вымыв содержание из этих политических структур, отнюдь не уничтожил, а, напротив, целенаправленно укреплял их формальную сторону (говоря марксистским

языком, уничтожая базисные институты, он консервировал надстроечные). В итоге эти странные политические « мутанты » традиционализма и капитализма оказались в новых условиях совершенно нежизнеспособными и рухнули сразу же вместе с колониальным режимом (монархия в Руанде пала даже еще раньше). Во-вторых, очевидно, что это были восстания против колониальной идеологии и политики, но при этом главными объектами этих восстаний стали не колониальные власти, а их, условно говоря, « местные » агенты (мвами и аристократия тутси в Руанде и султанат на Занзибаре). И здесь и там получил распространение так называемый « дискурс двойного колониализма »: этническое большинство являясь меньшинством политическим объявляло традиционные элиты захватчиками и поработителями и ставило их на одну доску с европейскими колонизаторами. При этом политическая сила претендовавшая на выражение воли подавляемого большинства предпочитала тактический союз с колонизаторами европейскими для освобождения от колониализма, соответственно, тутси или арабского. Третьей важной чертой является, безусловно, градус этнического насилия проявленного во время восстания. И, наконец, по итогам революций этнические группы ассоциируемые с властью павших монархий на долгие годы были вытеснены из политической жизни, впоследствии изображаясь идеологами новых режимов в виде неких « пятых колонн » и внутренних врагов экзистенциально чуждых и даже враждебных республикам победившего коренного этнического большинства.

Так как впоследствии пути исторического развития Руанды и Занзибара вошедшего в состав Танзании разошлись достаточно кардинально, продолжение проведения дальнейших параллелей выглядело бы слишком натянутым. Тем не менее, мы можем наблюдать некие инерционные следствия политколониального синдрома вплоть до настоящих дней, что говорит о том, что наследие колониализма в этих странах все еще полностью не преодолено, а нынешним и последующим властям еще предстоит решать задачи выхода из этой исторической ловушки.

СЕМИНАР ВЕДЕТ

АЛЕКСАНДР ПАНОВ —
м.н.с., аспирант Центра
истории и культурной
антропологии

ДИСКУТАНТ

ОЛЕГ ТЕТЕРИН — к.и.н.,
первый заместитель
главного редактора журнала
«Азия и африка сегодня»

Rwanda — 59 and Zanzibar — 64: Two Revolutions of the Decolonization Epoch in the East Africa

This year Africa commemorates two important events: twenty years of Tutsi genocide in Rwanda and fifty years of Zanzibari Revolution leading to the formation of the United Republic of Tanzania. This convenient moment to look once more at the history of two states provide us a good opportunity to compare political developments which accompanied the process of decolonization and the formation of new states in East Africa.

Historical background of the genocide in Rwanda was set in the colonial era and the « Social Revolution of 1959 » became one of its key and fateful steps on the way to the tragedy of 1994. Being strongly romanticized and used as a basis for the national myth of the First (1960 — 1973) and Second (1973 — 1994) Republics, in the official historiography of the «New Rwanda» (since 1994) it has been presented as the first act of the Tutsi genocide and charged with rather negative connotations.

The 1964 Zanzibari Revolution was also the theatre of mass violence unleashed against the Arabic community of the archipelago and led to ethnic cleansing in the course of which around one third of Zanzibar Arabs have been massacred or forced to exile. Like in the case of Rwanda the Zanzibari Revolution have been used by current authorities, until today, as the starting point of the modern national history and serves as a basis to legitimacy of the actual political project.

Trying to compare Social Revolution in Rwanda with Zanzibari Revolution we can see number of common features, which let us come to the conclusion that both of them do have common nature although with some substantial differences. First of all, it appears to be evident that both were conducted in countries where even in the precolonial era existed a tradition of mature statehood and strong power in the form of monarchy. Colonialism has undermined the substance of these political structures but did not destroy their formal aspect, on the contrary, it reinforced it (speaking in Marxist language while destroying the basic institutions it conserved the superstructure's ones). Eventually, these strange political «mutants» of traditionalism and capitalism appeared to be absolutely nonviable in the new circumstances and collapsed simultaneously with colonial regime (Rwandan monarchy fell even before). Secondly, it is evident that these uprisings were against colonial ideology and politics, but at the same time, their main targets were not the colonial authorities but their « local » agents (mwami and Tutsi aristocracy in Rwanda and sultanate in Zanzibar). In both cases, societies were affected by the so-called discourse of « double colonialism »: ethnic majorities being political minorities considered traditional elites as invaders and oppressors and bracketed them with European colonialists. Then, the political movements that pretended to be the spokesmen of oppressed majorities preferred tactical coalition with European colonizers to be liberated from Tutsi or Arab colonialism respectively. The third important feature is the degree of ethnic violence at the time of uprising. Finally, both revolutions led to the exclusion from the political life of the states of the ethnic groups that were associated with the power of fallen monarchies. They were portrayed and stigmatized by the ideologists of new regimes as some « fifth columns » and internal enemies existentially alien and even hostile to the republics of the victorious indigenous ethnic majorities.

Since the paths of historical development of Rwanda and Zanzibar which entered the union of Tanzania, have parted drastically, further paralleling would be rather strained. However, we can observe some inertial consequences of post-colonial syndrome up to the present day, that tells us that the colonial legacy hasn't yet been overcome in these nations and that actual and future authorities have to meet the challenge of escaping from this historical trap.